

K A P A C C

Cactaceae

Cereus

CONTENTS

Saguaro

И опять абсолютно новый взгляд на мир вообще и на мир магов в частности.

Это книга воспоминания о встречах с доном Хуаном в состояниях повышенного осознания, об абстрактных ядрах и сталкинге, о модальности времени и овладении Намерением.

Но главное, о чем мы узнаем из этой книги, — вся магия нужна лишь для того, чтобы мы знали: сила — в кончиках наших пальцев. Все обучение магии понадобилось дону Хуану лишь для того, чтобы разрушить у Карлоса привычное восприятие мира и осознать свое могущество. Могущество, которым реально владеет каждый.

Карлос Кастанеда

Сила безмолвия

После публикации в 1968 году «Учения дон Хуана» Карлоса Кастанеды,

Его книги привлекли внимание миллионов людей, открыв им глаза на мир,

Одновременно и новый и бесконечно старый.

Антрополог, мистик, ученый, изумительно одаренный писатель, Кастанеда открывает каждому из нас богатство религиозного и философского опыта

Который процветал задолго до прихода белых на этот континент и который,

Кстати, процветает до сих пор.

А каково уникальное достижение — вход в мир магов, раскрытый для него дон Хуаном, индейцем яки. Их отношения с Кастанедой стали, вероятно, наиболее известной в литературном мире дружбой учителя и ученика после платона и аристотеля.

В своих последних книгах Кастанеда продолжает следовать собственным, порою болезненным путям, целью которых является становление магом и преемником дон Хуана. Сейчас он вновь представляет нам дон Хуана в роли учителя, мастера магии и непревзойденного обманщика-мудрого, способного привести в ярость и делать чудеса, веселого, практичного шутника, который в то же время находится в поисках мудрости воина, обучая с помощью захватывающих внимание историй — волшебных и художественных. «Сила безмолвия» — наиболее запоминающаяся книга Кастанеды-блистательный проблеск знания, озаривший отдаленные области человеческого ума, в которых волшебство и магия проявляются, в конце концов, как метафоры к потребности человека познать самого себя и мир, в котором он живет.

Откровения дон Хуана, представленные им в пустыне Сонора и горах Южной Мексики, дают систему этических норм, веры и самореализации, которые для каждого из нас и хорошо обоснованы, и трансцендентальны в одно и то же время.

Книги Карлоса Кастанеды «учение дон Хуана: путь знания индейца яки», «отделенная реальность»: дальнейшие беседы с дон Хуаном. «Путешествие в Икстлен»: наставление дон Хуана. «Сказки о силе». «Второе кольцо силы». «Дар орла». «Огонь изнутри». «Сила безмолвия» — дальнейшие наставления дон Хуана.

ПРОЛОГ

Мои книги представляют собой достоверный отчет о методе обучения, который дон Хуан Матус, маг и мексиканский индеец, использовал, помогая мне понять мир магов. В этом смысле мои книги являются отчетом о процессе образа жизни, который со временем становится для меня все более ясным.

Требуются годы подготовки, чтобы научить нас разумно обходиться с миром повседневной жизни. Наше обучение в школе — как в прямом, так и в переносном смысле — было очень строгим из-за сложности знания, которым нас пытались наделить. Тот же критерий применим и к миру магов: их обучение основанное на устных инструкциях и манипуляции сознанием, хотя и отличается от нашего, но сурово не в меньшей мере, поскольку их знание также, а вероятно даже и в большей степени, труднопонимаемо.

ВВЕДЕНИЕ

В разное время дон Хуан пробовал обозначить свое знание для моего лучшего понимания. Он считал наиболее подходящим название «нагвализм», но этот термин слишком непонятен. Назвать его просто «знанием», значило бы внести излишнюю неопределенность, а термин «колдовство» принижает значение. «Мастерство намерения» очень абстрактно, а «поиски полной свободы» — фраза длинная и метафоричная. В конце концов, не найдя более уместного названия, он окрестил его «магией», хотя и признавал, что в действительности не был точен в этом вопросе.

В течении многих лет он давал мне различные определения магии, но всегда утверждал, что определения изменяются, поскольку увеличиваются знания. Под конец своего обучения я почувствовал, что могу оценить более уточненное определение, поэтому попросил его об этом еще раз.

— Оттуда, где находится средний человек, — сказал дон Хуан, — магия кажется чепухой или зловещей тайной вне пределов его досягаемости. И он прав — не оттого, что это абсолютный факт, но потому, что средний человек теряет энергию, сталкиваясь с магией.

Он остановился на миг, а затем продолжал. — Люди рождаются с ограниченным количеством энергии, — сказал дон Хуан, — энергии, которая систематически разматывается, начиная с самого момента рождения, для того, чтобы она более выгодно использовалась модальностью времени.

— Что ты подразумеваешь под модальностью времени? — спросил я.

— Модальностью времени является определенный пучок уже осознанных энергетических полей, — ответил он. — Я верю, что восприятие человека меняется с возрастом. Настоящее время определяет образ, время решает, какому определенному пучку энергетических полей из неисчислимого множества быть использованным. И управление модальностью времени — теми несколькими энергетическими выделенными полями — отнимают всю нашу наличную энергию, не оставляя ничего, что могло бы помочь нам использовать какие-нибудь другие энергетические поля.

Мягким движением бровей он подгонял меня схватывать все это быстрее.

— Вот что я подразумевал, говоря, что средний человек теряет энергию, сталкиваясь по необходимости с магией. Если он использует только ту энергию, которой обладает, он не постигнет миров магов. Чтобы осознавать их, магам необходимо использовать пучок энергетических полей, который обычно не применяется. Естественно, если средний человек воспринимает эти миры и понимает восприятие магов, он должен пользоваться тем же пучком, который используют и они. А это невозможно, так как вся его энергия уже развернута.

Он сделал паузу, как бы подыскивая подходящие слова для дальнейшего объяснения.

— Порассуждаем об этом, — продолжал он. — все это время ты обучался не магии, а скорее тому, как экономить энергию. И эта энергия может дать тебе возможность обращаться с некоторыми энергетическими полями, которые не употребляются в познании обычного мира известного нам. Магия — это состояние сознания. Магией является способность осознавать нечто такое, что обычному восприятию не подлежит.

— Все, с чем я тебя свел, — продолжал дон Хуан, — каждая вещь, показанная мной, была лишь способом убедить тебя, что здесь существует нечто большее, чем встречает глаз. Нам не нужен тот, кто обучал бы нас магии, потому что здесь действительно нечего изучать. В чем мы нуждаемся, так только в учителе, который убедит нас, что даже на наших кончиках пальце есть

несметные силы. Что за странный парадокс! Каждый воин на пути знания думает и раз, и другой, что его обучают магии, но все, что он делает — это позволяет убедиться в силах, скрытых в его существе, и в том, что он может дотянуться до них.

— И то, что ты делаешь, дон Хуан, является убеждением меня?

— Конечно. Я пытаюсь убедить тебя, что ты можешь достичь этих сил. Я прошел через то же самое. И меня было также трудно убедить в этом, как и тебя.

— А когда мы дотягиваемся до них, что с ними следует делать, дон Хуан?

— Ничего. Когда мы дотягиваемся до них, они сами по себе позволяют нам энергетические поля, которые имеются в нашем распоряжении, но пока недоступны нам. А это как я уже говорил и является магией. Мы начинаем видеть — то есть воспринимать что — то еще, не как нечто воображаемое, а как реальное и конкретное. Потом мы начинаем знать без того, чтобы использовать слова.

И то что каждый из нас делает с этим возросшим восприятием, с этим безмолвным знанием, зависит от нашего собственного темперамента.

В следующий раз он дал мне другое объяснение. Мы обсуждали совершенно не связанный с этим вопрос, когда он резко сменил тему и начал рассказывать мне смешной случай. Он засмеялся и очень мягко ударил меня по спине между лопатками, будто стал вдруг застенчивым и стеснялся касаться меня. Он тихо хохотнул над моей нервной реакцией.

— А ты пуглив, — сказал он с усмешкой, и с огромной силой нанес мне шлепок по спине.

В ушах у меня загудело. На миг я потерял дыхание. Было такое чувство, что он повредил мне легкие. Каждый вдох давался с большим неудобством. Но после того, как я прокашлялся и сделал несколько глотков, мои носовые проходы открылись, и я нашел, что делаю глубокие, успокаивающие вздохи. У меня было такое чувство благополучия, что я даже не обиделся на его удар, который был не только сильным, но и неожиданным.

Потом дон Хуан начал весьма замечательное объяснение. Ясно и сжато он дал мне другое и более точное определение магии.

Я вошел в удивительное состояние сознания! У меня была такая ясность ума, что я мог понять и усвоить все, о чем говорил дон Хуан. Он сказал, что во вселенной существует неизмеримая, неопиcуемая сила, которую маги называют намерением, и что абсолютно все, существующее в чистом космосе, прикреплено к намерению связующим звеном. Маги или воины, как он называл их, занимаются обсуждением, пониманием и использованием этого связующего звена. И особенно они заняты тем, что очищают его от оцепенелых следствий, привнесенных обычными делами их повседневных жизней. Магия на этом уровне определяется как процедура очищения звена, связующего воина с намерением. Дон Хуан подчеркнул, что эту "процедуру очищения" крайне трудно понять или научиться выполнять. Поэтому маги делят свои инструкции на две категории. Первая-это инструкция для состояния сознания повседневной жизни, в которой процесс очищения представлен скрытым образом. Вторая — инструкция для состояния повышенного сознания, одно из которых я сейчас переживал и в которых маги получали знание прямо из намерения без отвлекающего вмешательства разговорной речи.

Дон Хуан объяснил, что пронося повышенное сознание через тысячелетия упорных усилий, маги добились определенного понимания намерения, и что они передавали эти самородки прямого знания из поколения в поколение до настоящего времени. Он сказал, что задача магии состоит в том, чтобы взять эти непостижимое на вид знание и сделать его понятным по стандартам сознания повседневной жизни.

Затем он объяснил роль руководителя в жизни мага. Он сказал, что руководителя называют

«нагвалем», и что нагваль — это мужчина или женщина с экстраординарной энергией, это учитель, имеющий трезвость, терпение и стабильность, видящим он видится как светящаяся сфера с четырьмя отделениями.

— Как бы четыре светящихся шара, сжатые вместе. Благодаря своей экстраординарной энергии, нагвали являются посредниками. Их энергия позволяет им канализировать мир, гармонию, смех и знание прямо из источника, из намерения, и передавать все это своим спутникам. Нагвали отвечают за предоставление того, что маги называют «минимальным шансом»: связи сознания кого либо с намерением.

Я сказал ему, что мой ум уловил все рассказанное им, но что есть часть объяснения непонятная мне — зачем нужны два ряда учений. Я легко понимал все, что он рассказывал о своем мире, а он почему — то описывал процесс понимания как очень трудный.

— Тебе потребуется часть жизни, чтобы вспомнить те проникновения, которые ты имел сегодня, — сказал он, — потому что большая часть их была безмолвным знанием. Через несколько мгновений ты забудешь их. Это одна из непостижимых тайн сознания.

После этого дон Хуан переменял мой уровень сознания, ударив по моей левой стороне, по краю грудной клетки.

Я тут же потерял свою необычную ясность ума и никак не мог вспомнить, что было до этого.

Дон Хуан сам поставил передо мной задачу описания предпосылок магии. Однажды, очень непринужденно, на самом раннем этапе моего обучения, он предложил написать мне книгу для того, чтобы реализовать те записи, которые я всегда делал. У меня скопилось огромное количество заметок, и я не никогда не думал о том, что мне с ними делать.

Я возразил, что такое предложение нелепо, поскольку я не писатель.

— Конечно, ты не писатель, — сказал он, — ты будешь просто использовать магию. Сначала тебе придется визуализировать свои переживания, как бы рельефно выделяя их, а затем ты должен увидеть текст в своем сновидении. Для тебя описание будет представлять не литературную работу, а скорее упражнение в магии.

Я начал описывать предпосылки магии так, как их объяснял мне дон Хуан в контексте его учения.

В его схеме обучения, которая была развита магами древних времен, существовали две категории инструкции. Первая называлась «учением для правой стороны» и давалась в обычном состоянии сознания. Другую называли «учением для левой стороны» и практиковали исключительно в состояниях повышенного сознания.

Эти две категории позволяли учителям обучать своих учеников трем пространствам знания: мастерству сознания, искусству выслеживания и мастерству намерения.

Эти три пространства знания являются тремя загадками, с которыми маги сталкиваются в своих поисках знания.

Мастерство сознания — это загадка для ума, маги испытывают смущение, признавая изумительную тайну и размах сознания и восприятия.

Искусство выслеживания — загадка для сердца, маги приходят в замешательство, осознав две вещи: первое, что мир кажется нам неизменно предметным и фактическим из-за странностей нашего сознания и восприятия, и второе, что если в игру вступают различные странности восприятия, многие вещи мира, казавшегося нам таким неизменно предметным и фактическим, начинают меняться.

Мастерство намерения — загадка для духа или парадокс абстрактного — мысли и действия магов выходят за наши человеческие рамки.

Инструкции дон Хуана относительно искусства выслеживания и мастерства намерения

полагались на инструкции по мастерству сознания, которое было краеугольным камнем его учения и которое включало в себя следующие базовые предпосылки:

1. Вселенная является безграничным скоплением энергетических полей, похожих на нити света.

2. Эти энергетические поля, называемые эманациями орла, распространяются из источника невероятных пропорций, метафорически называемого орлом.

3. Человеческие существа также состоят из неисчислимого количества тех же нитеобразных энергетических полей. Эти эманации орла образуют полностью закрытое скопление, которое проявляет себя как шар света размером с человеческое тело с руками, вытянутыми в стороны — нечто похожее на светящееся гигантское яйцо.

4. Только очень небольшая группа энергетических полей внутри светящегося шара освещена точкой интенсивной яркости, расположенной на поверхности шара.

5. Восприятие имеет место, если энергетические поля в этой маленькой группе, в непосредственном окружении точки яркости, простирают свой свет освещая идентичные энергетические поля снаружи шара. Поскольку воспринимаются только те энергетические поля, которые освещаются точкой яркости то эта точка названа «точкой где собирается восприятие» или просто точкой сборки.

6. Точку сборки можно передвигать с ее обычного местоположения на поверхности светящегося шара в другое место на поверхности или внутри шара так как блеск точки сборки освещает любое энергетическое поле, вошедшее с ней в контакт, то при ее передвижении в новое место проясняются новые энергетические поля, которые становятся познаваемыми. Это восприятие известно как видение.

Когда точка сборки сдвинута, становится возможным восприятие совершенно другого мира — такого же предметного и фактического, как и тот, который мы обычно замечаем. Маги идут в этот другой мир за энергией, силой, решением общих и частных проблем или на встречу с невообразимым.

8. Намерение — это всеобъемлющая сила, которая заставляет нас воспринимать. Мы воспринимаем не потому, что становимся осведомленнее, наше восприятие является скорее результатом давления и вторжения намерения.

9. Цель магов заключена в достижении состояния полного сознания для того, чтобы испытать все возможности восприятия, доступные человеку. Это состояние сознания предполагается как прямо противоположное смерти.

Уровень практического знания включается как часть учения мастерства сознания. На этом практическом уровне дон Хуан обучал процедурам, необходимым для сдвига точки сборки. Этому служили две великие системы, изобретенные видящими-агами древних времен: сновидение — контроль и использование снов, и выслеживание — контроль поведения.

Перемещение точки сборки было существенным маневром, которому обучался каждый маг. Некоторые из них, нагвали, учились выполнять его для других. Они были способны выбивать точку сборки с ее привычной позиции, нанося сильный шлепок по точке сборки. Этот удар, который воспринимался как удар ладонью по правой лопатке — хотя тела и не касались — переводил в состояние повышенного сознания.

В соответствии с традицией, исключительно в этих состояниях повышенного сознания, дон Хуаном выдавалась наиболее важная и драматичная часть его учения: инструкции для левой стороны. Из-за экстраординарного качества этих состояний дон Хуан требовал, чтобы я не обсуждал их с другими, пока мы не закончим все, что входило в схему обучения магов. Это требование я принял без затруднений. В подобных уникальных состояниях сознания мои

способности понимания инструкций невероятно увеличивались, но в то же самое время мои способности описания или даже воспоминания их ухудшались. Я действовал в этих состояниях уверенно и умело, но не мог ничего вспомнить, перейдя в свое нормальное сознание.

Потребовались годы для создания критического превращения моего увеличенного сознания в открытую память. Мой рассудок и здравый смысл замедляли этот темп, сталкиваясь лоб в лоб с нелепой, неправдоподобной реальностью повышенного сознания и прямого знания. С годами, проистекающее из этого познавательное расстройство вынудило меня избегать данную проблему, не думая о ней.

Что бы я ни писал о своем обучении вплоть до сего времени, рассказывает о том, как дон Хуан обучал меня мастерству сознания. Я не описывал ни искусства выслеживания, ни мастерства намерения.

Дон Хуан учил меня их принципам и приложениям с помощью двух своих спутников: магов Висенте Медрано и Сильвио Мануэля, но чему бы я ни учился у них, все оставалось покрытым мраком в том, что дон Хуан называл сложностями повышенного сознания. До сих пор для меня было невозможно ни писать, ни даже думать связано об искусстве выслеживания и мастерстве намерения. Моей ошибкой было то, что я считал их объектом нормальной памяти и воспоминания, они были, и в то же время их не было. Чтобы решить это противоречие, я не следовал им прямо — что фактически невозможно — а обходился с ними косвенным путем посредством заключительной темы инструкции дон Хуана: историй магов прошлого.

Он рассказывал эти истории, раскрывая мне то, что называл абстрактными ядрами своих наставлений. Но я был неспособен уловить природу абстрактных ядер несмотря на его исчерпывающие объяснения, которые, как я теперь знаю, предназначались больше для того, чтобы расширить мой кругозор, чем для объяснения чего бы то ни было рациональным способом. Его манера изложения заставила меня многие годы верить в то, что объяснения абстрактных ядер были похожи на ученые отчеты, и все, что я мог делать при таких обстоятельствах, так это принимать их как данное. Они стали частью моего молчаливого одобрения его учения, но без полной оценки моего участия, которое было существенно для их понимания.

Дон Хуан представил три серии по шесть абстрактных ядер в каждой, которые располагались по степени возрастающей сложности. Здесь я описываю первую серию, которая состоит из манифестаций духа, стука духа, надувательства духа, нашествия духа, требований намерения, и управления намерением.

1. МАНИФЕСТАЦИИ ДУХА.

ПЕРВОЕ АБСТРАКТНОЕ ЯДРО

Дон Хуан всякий раз, когда это было уместно, рассказывал мне короткие истории о магах своей линии, и особенно о своем учителе, нагвале Хулиане на самом деле это были не истории, а скорее описание способов поведения этих магов и аспектов их индивидуальностей. Каждый из этих рассказов был предназначен для того, чтобы пролить свет на определенный предмет в моем обучении.

Я слышал те же истории и от других пятнадцати членов группы магов дон Хуана, но ни один из этих рассказов не давал мне ясного образа людей, которых они описывали. Так как я не мог убедить дон Хуана дать мне побольше подробностей об этих магах, я покорился мысли о том, что никогда не узнаю их сколь-либо глубже.

Как-то после полудня, в горах Южной Мексики, дон Хуан, объяснив мне кое-что о сложностях мастерства сознания, сделал заявление, которое поставило меня в тупик.

— Я думаю, наступило время поговорить о магах нашего прошлого, — сказал он.

Дон Хуан объяснил, что это необходимо для того, чтобы я начал составление выводов, основанных на систематическом обзоре прошлого — выводов как о мире ежедневных дел, так и о мире магов.

— Маги жизненно заинтересованы в своем прошлом, — сказал он.

— Я не имею в виду их личного прошлого. Для магов их прошлым является то, что делалось другими магами в давно прошедшие дни. И то, чем мы сейчас займемся, будет исследованием этого прошлого.

— Средний человек тоже пересматривает прошлое, но пересматривает главным образом свое личное прошлое и делает это ради своего собственного оправдания. Маги заняты противоположным — они советуются с прошлым, чтобы получить ориентир.

Но разве это не делает каждый? Смотреть на прошлое, чтобы получить ориентир.

— Нет! — настойчиво возразил он. — средний человек измеряет себя по отношению к прошлому, к личному прошлому или прошлому знанию его времени, пытаясь найти оправдание своему настоящему или будущему поведению, либо создать для себя образец. А маги искренне ищут в своем прошлом только ориентир.

— Дон Хуан, а может быть вопрос прояснится для меня, если ты расскажешь, что для мага является ориентиром?

— Для магов установление ориентиров означает получение шанса исследовать намерение, — ответил он. — Это является точной целью нашей финальной цели инструкций. И ничто не дает магам лучшего взгляда на намерение, чем исследование историй других магов, сражавшихся за понимание той же силы.

Он объяснил, что исследуя свое прошлое, маги его линии тщательно отмечали основной абстрактный порядок своего знания.

— В магии существует двадцать одно абстрактное ядро, — продолжал дон Хуан — далее имеется множество историй, основанных на этих абстрактных ядрах, историй о нагвалях нашей линии, сражавшихся за понимание духа. Пришло время раскрыть тебе абстрактные ядра и магические истории.

Я ждал, что дон Хуан начнет рассказывать мне истории, но он сменил тему и вновь вернулся к объяснению сознания.

— Подожди минутку, — запротестовал я. — а как же с магическими историями. Ты расскажешь мне их?

— Конечно расскажу, — ответил он. — Но это не те истории, которые можно рассказывать как сказки. Тебе предстоит продумать через них свой путь, а затем переосмыслить их — прожить их заново, так сказать.

Наступило долгое молчание. Я стал очень осторожным и боялся, что если вновь начну настаивать на том, чтобы он рассказал мне истории, мне придется взять на себя ответственность за то, о чем я позже буду сожалеть. Но любопытство оказалось большим, чем здравый смысл.

— Ну что же, продолжим эту тему, — проквакал я.

Дон Хуан, явно уловив суть моих мыслей, злобно усмехнулся.

Он встал и дал мне знак следовать за ним. До этого мы сидели среди каких-то сыпучих скал на дне оврага. Было около пяти часов вечера. Небо потемнело и стало облачным. Низкие, почти черные дождевые облака неслись чуть выше вершин на восток. В сравнении с ними облака в вышине создавали впечатление, что небо к югу проясняется. Немного раньше шел ливень, а теперь казалось, что дождь отступил в свое убежище, оставив вместо себя только угрозу.

По идее я должен был замерзнуть до костей — было очень холодно. Но мне было тепло. Когда я вцепился в камень, который дон Хуан дал мне подержать я понял, что ощущение тепла в почти ледяной мороз было знакомо мне, хотя и удивляло меня каждый раз. Как только я начинал замерзать, дон Хуан давал мне подержать ветку или камень, либо засовывал под мою рубашку на верхнюю часть грудной кости горсть листьев, и это было достаточно, чтобы повысить температуру моего тела.

Я безуспешно пытался самостоятельно восстановить эффект его помощи. Как-то он сказал мне, что это не помощь, а его внутреннее молчание, которое делает меня теплым, причем ветви, камни и листья использовались как прием ловли моего внимания и поддержания его в фокусе.

Быстро передвигаясь, мы влезли на крутой западный склон горы и почти у самой вершины достигли скалистого уступа. Мы находились в предгорье высокого горного хребта. Со скалистого уступа я увидел, что туман начал смещаться к южному концу долины, которая расстилалась под нами. Низкие, тонкие облака, казалось, наступали на нас, срываясь с черно-зеленых высоких горных вершин и соскальзывая на запад. После дождя, под темным облачным небом, долина и горы к востоку и югу казались покрытыми мантией темно-зеленого безмолвия.

— Вот идеальное место для беседы, — сказал дон Хуан, усаживаясь на каменный пол небольшой потаенной пещеры.

Пещера идеально подходила для того, чтобы мы могли сидеть бок о бок. Наши головы почти касались свода, а спины удобно прилегали к изогнутой поверхности скалистой стены. Казалось, что пещеру специально выдолбили для того, чтобы в ней могли разместиться два человека нашей комплекции.

Я заметил и другую странную особенность пещеры: стоя на выступе, я видел всю долину и горные цепи к востоку и югу, но сидя здесь я был ограничен скалами. В то же время выступ находился на уровне пола пещеры и был плоским.

Я хотел поделиться с дон Хуаном своими наблюдениям, но он предвосхитил меня.

— Эта пещера создана людьми, — сказал он. — выступ имеет уклон, но глаза не замечают его.

— Кто сделал эту пещеру, дон Хуан?

— Древние маги. Может быть тысячи лет тому назад. Одной особенностью это пещеры является то, что животные, насекомые и даже люди не приходят сюда. Древние маги, кажется, наделили ее зловещим зарядом, который заставляет каждое живое существо чувствовать себя здесь неловко.

Странно, но в этот миг я чувствовал необъяснимое счастье и надежную защиту. Все мое тело звенело от ощущения физической удовлетворенности. Фактически я чувствовал очень

приятное, очень сладостное ощущение в животе, словно что-то щекотало мои нервы.

— Я себя неловко не чувствую, — прокомментировал я.

— Со мной то же самое, — сказал он. — но это значит только то, что ты и я не отличаемся сильно по темпераменту от старых магов прошлого, настолько чтобы как-то беспокоиться об этом.

Я боялся развивать эту тему как-либо дальше, потому что ждал от него рассказа.

— Первая магическая история, которую я расскажу тебе, называется «манифестация духа», — начал дон Хуан, — но не позволяй названию мистифицировать тебя. Манифестация духа — это только первое абстрактное ядро, вокруг которого выстроена первая магическая история.

— Это первое абстрактное ядро само по себе является историей, — продолжал он. — Рассказ гласит, что когда-то жил человек, средний человек, без всяких особых атрибутов. Он служил, как и любой другой вместилищем для духа. И в силу этого, он как и любой другой человек, был частью духа, частью абстрактного. Правда он не знал этого. Мир делал его таким занятым, что у него не было ни времени, ни желания действительно исследовать этот вопрос.

— Дух пытался, конечно, без толку, обнаружить свою связь, используя внутренний голос, дух раскрывал свои секреты, но человек не мог понять этих откровений. Конечно, он слышал внутренний голос, но был уверен, что он чувствует своими собственными чувствами и думает своими собственными мыслями.

— Дух, пытаясь вывести его из дремоты, дал ему три знамения, три следующие одна за другой манифестации. Дух физически пересек путь человека наиболее очевидным способом. Но человек забывал все, кроме своих забот.

Дон Хуан остановил рассказ и посмотрел на меня, как делал это всегда, когда ждал моих замечаний и вопросов. Я ничего не сказал, так как не понимал того, что он хотел мне доказать.

— Я просто рассказываю тебе о первом абстрактном ядре, — продолжал он. — Единственной вещью, которую я хочу добавить, является то, что только благодаря абсолютному нежеланию человека понимать что-либо, дух был вынужден использовать надувательство, и эта уловка стала сущностью пути магов. Но это другая история.

Дон Хуан объяснил, что маги понимали это абстрактное ядро как проект событий или повторяющийся шаблон, который является каждый раз, когда намерение указывает на что-то многозначительное. Поэтому абстрактное ядро представляет собой заметки на полную цепь событий.

Он заверил меня, что оставаясь вне понимания, каждая деталь любого абстрактного ядра попадает в вневне и вневне с приходом каждого нового нагваля. Дальше он уверял меня, что помог намерению вовлечь меня во все эти абстрактные ядра магии, причем в той же манере, в какой вовлекали своих учеников его бенефактор, нагваль Хулиан, и все нагвали до него. Процесс, посредством которого каждый новый нагваль сталкивался с абстрактными ядрами, создавал серии рассказов, сотканных вокруг абстрактных ядер, которые регистрировали обстоятельства и частные подробности каждой индивидуальности ученика.

Он сказал, например, что я имел мою собственную историю о манифестациях духа, он имел свою, его бенефакторскую собственную, как и нагваль который предшествовал ему и так далее и тому подобное.

— А какова моя история манифестации духа? — спросил я несколько озабоченно.

Если какой-то воин осознал свои истории, осознаешь и ты, — ответил он. — В конце концов, с годами ты напишешь о них. Хотя и не заметишь абстрактных ядер, поскольку ты человек практичный. Ты все делаешь только для того, чтобы подчеркнуть свою практичность. И

хотя я занимался своими историями до изнеможения, у тебя и мысли нет о том, что в них имеется абстрактное ядро. Поэтому все, что я показывал тебе как практичную, иногда эксцентричную, деятельность, было обучением магии нерасторопного и большей частью глупого ученика. Пока ты смотришь на все с такой точки зрения, абстрактные ядра ускользают от тебя.

— Ты должен простить меня, дон Хуан, — сказал я, — но твои заявления очень туманны. Что ты хочешь сказать?

— Я пытаюсь ввести магические истории как предмет, — ответил он. — Я никогда специально не разговаривал с тобой на эту тему, потому что по традиции она всегда остается скрытой. Это последняя хитрость духа. Говорят, что когда ученик понимает абстрактные ядра, это похоже на укладку камня, который венчает и скрепляет пирамиду.

Темнело, и это выглядело так, словно вновь пошел дождь. Я беспокоился о том, что если ветер подует с востока на запад при сильном дожде, нас в этой пещере вымочит до нитки. Я был уверен, что дон Хуан осознавал, но почему-то игнорировал это.

— Дождя не будет до завтрашнего утра, — сказал он.

Ответ на мои потаенные мысли заставил меня непроизвольно подпрыгнуть, я сильно стукнулся макушкой о каменный свод пещеры. Это сопровождалось глухим стуком, который прозвучал хуже, чем хотелось бы.

Дон Хуан схватился за бока от хохота. Позже, когда моя голова действительно заболела, я начал массировать ее.

— Твоя компания так же приятна для меня, как моя была приятна моему бенефактору, — сказал он и засмеялся вновь.

Мы успокоились через несколько минут. Тишина вокруг меня была зловещей мне казалось, что я слышу шелест низких облаков, когда они спускались на нас с высоких гор. Потом я понял, что услышанный шелест был тихим ветром. С моего места в неглубокой пещере он слышался как перешептывание человеческих голосов.

— Мне невероятно повезло — я учился у двух нагвалей, — сказал дон Хуан, разрушая гипнотическое воздействие, которое оказал на меня в этот момент — первый был, конечно же мой бенефактор, нагваль Хулиан, второй, нагваль Элиас, был его бенефактором. Мой случай уникальный.

— Почему это твой случай уникальный? — спросил я.

— Потому что поколения нагвалей собирали своих учеников через годы после того, как их собственные учителя покидали мир, — объяснил он. — Кроме моего бенефактора. Я стал учеником нагваля Хулиана за восемь лет до того, как его бенефактор оставил мир. У меня была милость восьми лет. Это наиболее удачная вещь из всех тех, что случались со мной, поэтому у меня была возможность научиться двум противоположным темпераментам. Это похоже на то, когда тебя воспитывает могущественный отец и еще более могущественный дед, которые не сходятся во взглядах. В таком соперничестве дед всегда выигрывает. Поэтому я собственно продукт учения нагваля Элиаса. Я ближе к нему не только по темпераменту, но и по взглядам, и как уже говорил, обязан ему своей прекрасной настройкой. Однако, большую часть работы, которая привела меня к превращению из жалкого существа в безупречного воина, сделал мой бенефактор, нагваль Хулиан.

— Как физически выглядел нагваль Хулиан?, — спросил я.

— Ты знаешь, к этому дню мне трудно визуализировать его, — сказал дон Хуан. — Я знаю, это звучит абсурдно, но в зависимости от его потребностей и обстоятельств, он был либо молодым, либо старым, красивым или безобразным, расслабленным и хилым или сильным и мужественным, толстым или стройным, среднего или очень низкого роста.

— Ты хочешь сказать, что он был актером, исполнявшим разные роли с помощью реквизита?

— Нет, реквизит здесь не вовлекался, да и просто актером его не назовешь. Он, конечно, был великий актер в своем роде, но это нечто другое. Суть в том, что он был способен трансформировать себя и становиться всеми этими диаметрально противоположными персонажами. Будучи актером, он мог изобразить все мельчайшие особенности поведения, которые делают реальным каждое отдельное существо. Можно сказать, что он был волен в любой перемене существа, как волен ты в любой перемене одежды.

Я нетерпеливо попросил дон Хуана рассказать мне побольше о трансформациях его бенефактора. Он сказал, что кое-кто научил его тому, как извлекать эти трансформации, но для того, чтобы объяснить это кому-либо другому, ему придется частично обратиться к другим историям.

— А как нагваль Хулиан выглядел, когда не трансформировал себя? — спросил я.

— Надо отметить, что до того как он стал нагвалем, он был очень стройным и мускулистым, — сказал дон Хуан. — У него были черные, густые и вьющиеся волосы, длинный, тонкий нос, сильные, белые и крупные зубы, овальное лицо, мужественный рот и темно-коричневые глаза. Рост-пять футов и восемь дюймов (172, 2 см). Он не был индейцем, не был смуглым мексиканцем, как не был и белым англичанином. В сущности, его цвет лица казалось был единственным в своем роде, особенно в его последние годы, когда он постоянно менялся от темного к очень светлому обратно к темному. Когда я первый раз встретил его, он был светло-коричневым стариком, затем прошло время, и он стал светлокожим молодым человеком, возможно только на несколько лет старше меня. Мне в то время было двадцать лет.

— Но если перемены его внешнего вида были удивительны, — продолжал дон Хуан, — перемены поведения и настроения, которые сопровождали каждую трансформацию, были еще более изумительны. Например, когда он был толстым и молодым, это был веселый и сладострастный человек. Когда он становился худым и старым, это был мелочный и мстительный старикашка. А когда становился жирным стариком, он предстал перед нами величайшим глупцом.

— Он был когда-нибудь самим собой? — спросил я.

— Не в том смысле, как я, — ответил он. — поскольку меня не интересует трансформация, я всегда один и тот же. А он во всем отличался от меня.

Дон Хуан посмотрел на меня, как бы оценивая мою внутреннюю прочность. Он улыбнулся покачал головой и разразился веселым смехом.

— Что здесь смешного, дон Хуан? — спросил я.

— Тот факт, что ты по-прежнему излишне щепетилен и очень жестко оцениваешь природу трансформаций моего бенефактора и их тотальный размах, — сказал он. — а я уверен, что когда расскажу тебе о них, ты потеряешь к ним нездоровое влечение.

По какой-то причине мне вдруг стало ужасно неудобно, и я сменил тему.

— Почему нагвалей называют «бенефакторами», а не просто учителями? — спросил я нервно.

— Называть нагваля бенефактором — это жест его учеников. Нагваль вызывает у них подавляющее чувство благодарности. В конце концов, нагваль формирует их и ведет через невообразимые пространства.

Я заметил, что обучение, по моему мнению, было величайшим и наиболее альтруистическим действием того, кто выполнял его для других.

— Для тебя обучение является разговором об образах, — сказал он. — Для магов обучение — это то, что делает нагваль для своих учеников. Для них он открывает преобладающую во

вселенной силу: намерение — силу, которая изменяет и перенаправляет вещи или оставляет их такими, как они есть. Нагваль формирует, а затем направляет следствия, которые эта сила оказывает на учеников. Без оформления намерения они не найдут в нагвале ни благоговения, ни чуда. А его ученики вместо погружения в магическое путешествие-открытие, попросту обучались бы ремеслу: целители, маги, богословы, шарлатаны или что бы там ни было.

— Ты можешь объяснить мне намерение? — спросил я.

— Единственный способ узнать намерение, — ответил он, — состоит в том, чтобы узнать его непосредственно через имеющиеся связи, которые существуют между намерением и всеми чувствующими существами. Маги называют намерение неопишным, духом, абстрактным, нагвалем. Я предпочитаю называть его нагвалем, но это частично перекрывает название для лидера, бенефактора, которого также называют нагвалем, поэтому я остановился на терминах дух, намерение и абстрактное.

Дон Хуан резко остановился и порекомендовал, чтобы я сохранял спокойствие и думал о том, что он мне сказал. Между тем стало совсем темно. Тишина была такой глубокой, что вместо того, чтобы успокоить меня до умиротворения, она взволновала меня. Я не мог поддерживать порядок в своих мыслях. Я попытался сфокусировать свое внимание на истории, которую он мне рассказал, но вместо этого стал думать о чем-то еще, пока наконец не заснул.

БЕЗУПРЕЧНОСТЬ НАГВАЛЯ ЭЛИАСА

Не могу сказать, как долго я проспал в этой пещере. Голос дон Хуана напугал меня, и я проснулся. Он говорил о том, что первая магическая история относительно манифестаций духа была рассказом о взаимоотношении между намерением и нагвалем — историей о том, как дух создал для нагваля ловушку и о том, как нагваль, ожидаемый ученик, оценил ловушку еще до своего решения принять или отвергнуть ее.

В пещере было ужасно темно, и небольшое пространство как бы запирало нас. Обычно в таких случаях я страдал клаустрофобией, но пещера успокаивала меня, рассеивая мое чувство раздражения. К тому же что-то в конфигурации пещеры поглощало эхо от слов дон Хуана.

Дон Хуан объяснил, что любое действие, исполняемое магами и особенно нагвалями, совершается либо как способ усиления их связи с намерением, либо как отклик, вызванный самим звеном. Поэтому маги, и особенно нагвали, постоянно остаются настороже, высматривая манифестации духа. Эти манифестации называются жестами духа или более просто, указаниями или предзнаменованиями.

Он повторял историю, которую уже рассказывал мне, историю о том, как он встретил своего бенефактора, нагваля Хулиана.

Два нечестных человека хитростью заманили дон Хуана работать на уединенной гасиенде. Один из них, старший рабочий гасиенды, взял дон Хуана в оборот и буквально превратил его в раба.

Отчаявшись и не в силах изменить ход событий, дон Хуан совершил побег. Жестокий надсмотрщик погнался вслед и, поймав его на деревенской дороге прострелил дон Хуану грудь.

Дон Хуан лежал без сознания на дороге, истекая кровью, когда его нашел нагваль Хулиан. Используя свое знание целителя, он остановил кровотечение, взял бесчувственного дон Хуана домой и вылечил его.

Первым указанием духа, данным нагвалю Хулиану о дон Хуане, было небольшое завихрение, которое подняло столб пыли на дороге в паре шагов от того места, где лежал он, вторым предзнаменованием была мысль, которая мелькнула в голове нагваля Хулиана за миг до того, как он услышал выстрел невдалеке: мысль о том, что пора иметь нагваля-ученика. Несколько позже дух дал ему третье: вместо того, чтобы столкнуться с бандитом, он обратил его в бегство, по-видимому предотвратив второй выстрел в дон Хуана. Столкновение с кем-то было типом ошибки, которую ни маг, ни тем более нагваль никогда не могли допустить.

Нагваль Хулиан тут же оценил представившийся случай. А когда он увидел дон Хуана, то понял смысл манифестаций духа: перед ним был двойной мужчина, идеальный кандидат ученика-нагваля.

Все это вызвало во мне рациональный интерес. Я хотел знать, могут ли маги ошибаться, интерпретируя предзнаменование. Дон Хуан ответил, что хотя мой вопрос и звучит вроде бы правильно, он неприемлем, как и большинство других моих вопросов, поскольку я задаю их, основываясь на своих переживаниях в мире повседневной жизни. Они, таким образом, всегда выражают процедуру проверки и правил дотошности, не имея никакого отношения к предпосылкам магии. Он указал на дефект моих рассуждений — на то, что мне постоянно не удается подключить сюда мои переживания в мире магов.

Я возразил, что только несколько моих переживаний в мире магов были непрерывны, следовательно, я не могу использовать такой опыт в моей настоящей повседневной жизни. Лишь несколько раз и только тогда, когда я находился в состояниях глубокого повышенного сознания, я вспоминал обо всем. На уровне повышенного сознания, которого я обычно достигал,

единственным переживанием, имеющим неразрывность между прошлым и настоящим, было узнавание этого уровня.

Он ответил язвительно, что я вполне способен овладеть рассуждением магов, поскольку испытал все предпосылки магии в своем нормальном состоянии сознания. И уже более мягко добавил, что повышенное сознание не открывает всего, пока не завершено все здание знания магии.

Потом он ответил на мой вопрос, могут ли маги неверно оценивать предзнаменование. Дон Хуан объяснил, что когда маг интерпретирует предзнаменование, он знает его точный смысл без какого-либо понятия о том, как он его узнал. Это одно из ставящих в тупик следствий звена, связующего мага с намерением. Маги имеют чувство прямого знания вещей, которое, как они уверены, зависит от силы и чистоты их связующего звена.

Он сказал, что чувство, известное как «интуиция», является активным связующим звеном понимания. А поскольку маги умышленно добиваются понимания и усиления связующего звена, то они интуитивно воспринимают все без ошибок с безукоризненной точностью. Чтение предзнаменований для мага своего рода банальность, ошибки случаются только тогда, когда вмешиваются личные чувства, омрачая звено, связующее мага с намерением. С другой стороны, их прямое знание полностью правильно и функционально.

Мы помолчали некоторое время.

Внезапно он сказал:

— Я расскажу тебе историю о нагвале Элиасе и манифестациях духа. Дух проявляет себя магу и особенно нагвалю на каждом шагу. Но это не вся истина. Истина в том, что дух открывает себя каждому человеку с одной и той же интенсивностью и в одной и той же последовательности, но лишь маги и особенно нагвали, настроены на такие откровения.

Дон Хуан начал свой рассказ. Он сказал, что нагваль Элиас однажды ехал в город на своей лошади, избрав кратчайший путь через поля, когда вдруг его кобыла бросилась в сторону, напуганная низко пролетевшим соколом, который молнией пронесся всего в нескольких сантиметрах от соломенной шляпы нагваля. Нагваль тут же спешил и начал осматриваться. Он увидел незнакомого юношу среди высоких, сухих стеблей кукурузы. Молодой человек был одет в дорогой черный костюм и выглядел чужеземцем. Нагваль Элиас много повидал и крестьян и землевладельцев, но никогда еще не встречал столь элегантно одетого горожанина, бредущего по полю с очевидным пренебрежением к своим дорогим туфлям и одежде.

Нагваль привязал лошадь и пошел к молодому человеку. Он принял полет сокола, также как и одежду юноши как очевидные манифестации духа, которыми пренебречь он не мог. Нагваль подошел поближе и увидел, что молодой человек гонится за крестьянкой, которая бежала на несколько метров впереди него, ловко уворачиваясь и заливаясь смехом.

Противоречие было совершенно очевидным для нагваля. Двое людей, прыгающих на кукурузном поле, не подходили друг другу. Нагваль подумал, что мужчина, должно быть, сын землевладельца, а женщина-служанка в их доме. Он почувствовал смущение, наблюдая за ними, и повернулся было, чтобы уйти, как вдруг сокол вновь пронесся над полем, коснувшись на этот раз головы юноши. Сокол испугал парочку, они остановились и уставились в небо, ожидая новую атаку. Нагваль заметил, что юноша был молод и красив, у него были бегающие, беспокойные глаза.

Потом им наскучило следить за соколом, и они вернулись к своей игре. Мужчина поймал женщину, обнял ее и мягко уложил на землю. Но вместо того чтобы насладиться любовью с ней, как это предполагал нагваль, юноша снял одежду и предстал перед женщиной совершенно голым.

Она не закрывала в смущении глаз, не вскрикивала застенчиво, не пугалась, и только

хихикала, загипнотизированная телом голого мужчины, который прыгал вокруг нее словно сатир, делая бесстыдные жесты и задыхаясь от смеха. В конце концов, по-видимому переполненная зрелищем, она издала дикий крик, вскочила и бросилась в объятия юноши.

Дон Хуан сказал, что нагваль Элиас признался ему, что указания духа на этот раз просто ставили его в тупик. Было ясно, что мужчина психически болен. С другой стороны, зная о том, как строги были крестьяне к своим женщинам, он не мог понять обольщения молодой крестьянки в ясный день в нескольких метрах от дороги — и в придачу голым.

Дон Хуан взорвался смехом и сказал мне, что в те дни тот, кто снимал одежду и вступал в половой акт в ясный день и в таком месте, считался либо безумным, либо блаженным. Он добавил, что в наше время такой поступок вряд ли кого бы удивил. Но тогда, почти сто лет назад, люди были более сдержанными.

Все это убедило нагваля Элиаса, что мужчина либо безумный, либо блаженный. Он беспокоился, что крестьяне могут оказаться случайно поблизости и, увидев пару, придут в ярость и расправятся с молодым человеком тут же. Но никого рядом не было. Нагвалю показалось, что время замедлило бег а потом и вовсе остановилось.

Когда мужчина закончил половой акт, он оделся, вытащил носовой платок, тщательно протер свои туфли, осыпая при этом девушку несбыточными обещаниями, и пошел своей дорогой. Нагваль Элиас последовал за ним. В сущности он следовал за ним несколько дней, по пути узнав, что того зовут Хулианом, и что он был актером.

Впоследствии нагваль часто видел его на сцене и понял, что этот актер имел огромный божий дар. Публика, особенно женщины, были от него без ума и он без колебаний пускал в ход свой талант обаяния, соблазняя поклонниц, и поскольку нагваль всюду следовал за актером, он мог засвидетельствовать его технику обольщения лучше, чем кто-либо другой. Считая необходимым показывать себя голым своим обожательницам, как только оставался с ними наедине, он ждал затем того момента, пока женщина, ошеломленная его игрой не отдавалась ему. Техника казалась крайне эффективной. Нагваль признавал, что актер имел огромный успех, но была одна особая статья в его обвинительном акте. Он был смертельно болен. Нагваль видел черную тень смерти, которая следовала за ним по пятам.

Дон Хуан вновь объяснил мне то, что уже говорил годами раньше — что наша смерть была черным пятном прямо за левым плечом. Он сказал, что маги знают, когда человек близок к смерти, поскольку видят темное пятно, которое становится движущейся тенью, размерами и формой точно копируя человека, которому оно принадлежит.

Осознав неминуемое присутствие смерти, нагваль погрузился в замешательство. Он удивлялся, почему дух выбрал такого больного человека. Он был научен, что в естественном состоянии, без восстановления, господствует замена. А нагваль сомневался, что обладает способностью или силой вылечить этого молодого человека или противостоять черной тени его смерти. Он даже сомневался в том, сможет ли открыть суть того, почему дух вовлек его в проявление такого очевидного истощения.

Нагваль ничего не стал предпринимать, но остался с актером, следуя за ним и дожидаясь случая увидеть всю суть на большей глубине. Дон Хуан объяснил, что первой реакцией нагваля перед лицом манифестаций духа была попытка увидеть вовлеченного человека. Нагваль Элиас дотошно провел видение актера в тот момент, когда впервые заметил его. Он видел и крестьянку, которая была частью манифестаций духа, но нагваль не увидел ничего такого, что по его мнению могло подтвердить проявление духа.

После свидетельств других обольщений, способность нагваля видеть приобрела новую глубину. В это время обожательницей актера была дочь богатого землевладельца. С самого начала она полностью контролировала свои действия. Нагваль узнал об их свиданиях и

подслушал разговор, в котором актер договаривался с ней о встрече на следующий день. Нагваль, спрятавшись по утру на улице, проследил как молодая девушка покинула дом и, вместо того, чтобы пойти на утреннюю мессу, отправилась к актеру. Тот уже ждал ее, и она убедила его последовать за ней в открытые поля. Он казалось колебался, но она начала говорить ему колкости и не позволила улизнуть.

Когда нагваль, подкрадываясь, смотрел на них, у него была абсолютная уверенность, что в этот день должно произойти нечто такое, чего не предвидел никто из участников игры. Он видел, что черная тень актера увеличилась и вдвое превышала его по высоте. Нагваль вывел из таинственного, жесткого взгляда молодой женщины, что на интуитивном уровне она тоже почувствовала черную тень смерти. Актера, казалось, что-то отвлекало. Он не смеялся, как делал это в других случаях.

Они шли на солидном расстоянии, и все же один раз заметили, что нагваль следует за ними, но он ловко притворился крестьянином, обрабатывающим землю. Это успокоило парочку, и позволило нагвалю подойти поближе.

Затем наступил момент, когда актер разбросал свою одежду и предстал перед девушкой голым. Но вместо того, чтобы упасть в обморок или прыгнуть ему в объятия, как это делали другие покоренные им сердца, эта девушка начала бить его. Она безжалостно колотила его ногами и руками, наступая на обнаженные пальцы ног, заставляя его кричать от боли.

Нагваль знал, что мужчина не будет грозить или как-то вредить молодой девушке. Он не смел тронуть ее и пальцем. Она была здесь единственным бойцом. Он же просто пытался парировать удары, но без энтузиазма, и все пытался соблазнить ее, показывая свои гениталии.

Нагваль был переполнен восхищением и возмущением. Он понимал, что актер был безнадежным развратником, но он также понимал, что в нем есть что-то уникальное, хоть и отвратительное. Нагваль был ошеломлен, увидев, что звено, связующее мужчину с духом, было идеально чистым.

Наконец схватка закончилась. Женщина перестала бить актера. А потом, вместо того, чтобы убежать прочь, она, уступая, сдалась и сказала актеру, что он может обходиться с ней по своему усмотрению.

Нагваль заметил, что мужчина был так истощен, что практически не отдавал себе отчет, но не смотря на утомление он продолжил и завершил свое обольщение.

Нагваль смотрел на него с улыбкой и размышлял о том, как бесполезна громадная жизненная сила и решительность этого человека. В этот миг женщина вдруг закричала, а у актера начались спазмы дыхания, нагваль увидел, как черная тень поразила актера, она была как кинжал, с точностью вошедшей в его зазор.

Дон Хуан сделал на этом месте отступление, детально развивая то, что он объяснял мне уже раньше: он описал зазор, открытый в нашей светящейся скорлупе на высоте пупка, куда сила смерти непрерывно наносит свои удары. Далее дон Хуан объяснил, что когда смерть бьет здоровое существо — это шароподобный удар, похожий на удар кулака, но когда существо умирает, смерть наносит удар кинжалоподобным выпадом.

Поэтому нагваль Элиас знал без каких-либо сомнений, что актер почти мертв, и смерть автоматически обрывала личный интерес мужчины к замыслам духа. Потом и его не осталось, смерть нивелировала все.

Нагваль вышел из своего укромного места и уже собирался уходить, когда кое-что заставило его остановиться. Это было спокойствие молодой женщины. Она безразлично надевала на себя одежду, которую до этого сняла, и фальшиво насвистывала себе под нос, будто ничего и не произошло.

И тогда нагваль увидел, что принимая в расслаблении присутствие смерти тело мужчины

избавилось от защитной вуали и теперь выражало свою истинную природу. Он был двойным мужчиной потрясающих ресурсов, сумевшим создать экран для защиты или маскировки — естественный маг и идеальный кандидат в ученики-нагвали, не будь у него черной тени смерти.

Нагваль был полностью застигнут врасплох этим зрелищем. Теперь он понял замыслы духа, но не мог постичь, как такой бесполезный человек мог быть втиснут в схему вещей мага.

Между тем женщина встала, и даже не взглянув на мужчину, чье тело содрогалось в спазмах смерти, спокойно пошла домой.

Нагваль увидел ее светимость и отчетливо понял, что ее крайняя агрессивность была результатом громадного избытка излишней энергии. Он был убежден, что если она до сих пор не нашла этой энергии трезвого применения, то это было лучшей ее стороной, поскольку просто нельзя описать какие беды это могло бы вызвать.

Пока нагваль наблюдал равнодушие, с которым она уходила прочь, он понял, что дух дает ему следующую манифестацию. Ему следует быть спокойным и бесстрастным, ему следует действовать так, словно ничего не потеряно, то есть вмешаться в этот адский промысел. В истинной манере нагвалей, он решил взяться за невозможное без чьей-либо помощи, кроме духа в качестве свидетеля.

Дон Хуан отметил, что принятие решений, подобных этому, являются проверкой нагваля на его реальность. Нагвали создают решения. Не обращая внимания на результат, они либо выполняют действие, либо предпочитают не делать его. Самозванцы взвешивают все за и против, и страх парализует их. Нагваль Элиас, приняв решение, спокойно пошел в сторону умирающего мужчины, и первым, что заставило сделать его тело-ело, а не ум-было следующее: он ударил по точке сборки мужчины, введя его в состояние повышенного сознания. Он неистово наносил все новые и новые удары, передвигая его точку сборки. С помощью силы смерти удары нагваля загнали точку сборки мужчины в место, где смерть больше не имеет значения-человек перестал умирать.

Когда актер задыхался вновь, нагваль осознал величину своей ответственности. Чтобы парировать силу смерти, мужчина обязательно должен был оставаться в глубоком состоянии повышенного сознания до тех пор, пока смерть не будет отражена. Его громадный физический износ означал то, что либо он не сдвинется с места, либо немедленно умрет. Нагваль сделал единственно возможное при данных обстоятельствах: он построил шалаш вокруг тела. Здесь в течении трех месяцев он выхаживал полностью неподвижного мужчину.

Мои рациональные размышления взяли вверх, и вместо того, чтобы просто слушать, мне захотелось узнать, как нагваль Элиас построил хижину на земле, принадлежащей кому-то еще. Я знал страсть сельских жителей к своим земельным владениям и сопровождавшие эту страсть чувства территориальности.

Дон Хуан признался, что и сам задавал тот же вопрос, по поводу чего нагваль Элиас сказал ему, что дух сам по себе сделал это возможным. Так случается всегда при условии, что нагваль следует манифестациям духа.

Когда актер начал дышать, нагваль Элиас побежал за молодой женщиной. Она была важной частью манифестаций духа. Он догнал ее неподалеку от того места, где лежал чуть живой актер. Вместо того, чтобы рассказывать ей о состоянии мужчины и пытаться убедить ее помочь ему, он вновь принял на себя полную ответственность за свои действия и, прыгнув на нее как лев, нанес по ее точке сборки могучий удар. И она, и актер могли переносить удары жизни и смерти. Ее точка сборки сдвинулась, но начала беспорядочно блуждать, поскольку осталась незакрепленной. Нагваль перенес молодую женщину туда, где лежал актер. Затем он потратил целый день, пытаясь удержать ее от потери своего ума, а мужчины от потери своей жизни.

Когда он полностью уверился в степени контроля, который имел над ситуацией, он пошел к

отцу женщины и сказал ему, что молния, поразив его дочь сделала ее временно безумной. Нагваль отвел отца туда, где она лежала, и объяснил, что молодой человек, кто бы он ни был, принял весь заряд молнии на себя. Спасая девушку от верной смерти, он получил ранение, и теперь его нельзя двигать с места.

Благодарный отец помог построить нагвалю шалаш для человека, который спас его дочь. И за три месяца нагваль сделал невозможное. Он вылечил молодого мужчину.

Когда для нагваля пришло время уезжать, чувство ответственности и долг заставили его предупредить молодую женщину о ее избытке энергии и вредных последствиях, которые омрачат ее жизнь и благополучие. Он предложил вступить ее в мир магов, поскольку это будет единственной защитой от ее саморазрушительной силы.

Женщина не ответила. И нагваль был обязан сказать ей то, что каждый нагваль говорит потенциально возможному ученику независимо от эпохи: что маг говорят о магии как о магической, таинственной птице, которая остановилась на миг в своем полете, чтобы дать человеку надежду и цель, что маги живут под крылом этой птицы, которую они называют птицей мудрости и птицей свободы, что они питают ее самоотверженностью и безупречностью. Он рассказал ей о знании магов про то, что полет птицы свободы всегда представляет прямую линию, поскольку она никогда не петляет, не кружит, не возвращается назад, и что птица свободы делает только две вещи — либо берет магов с собой, либо оставляет их позади.

Нагваль Элиас не говорил этого молодому актеру, который был смертельно болен. У молодого человека не было большого выбора. И все же нагваль сказал ему, что если он хочет выздороветь, то он должен безоговорочно следовать за нагвалем. Актер принял это условие тут же.

В то же день, когда нагваль Элиас и актер начали обратный путь, молодая женщина безмолвно поджидала их на окраине города. У нее не было ни чемоданов, ни корзин. Казалось, что она пришла, чтобы просто посмотреть на них. Нагваль прошел, даже не взглянув на нее, но актер, которого несли на носилках, напрягся и попрощался с ней. Она улыбнулась и без слов присоединилась к группе нагваля. Она оставила все позади без сомнений и проблем. Она прекрасно понимала, что у нее не будет другого такого случая, что птица свободы либо берет магов с собой, либо оставляет их позади.

Дон Хуан отметил, что здесь нет ничего удивительного. Сила личности нагваля всегда была настолько подавляющей, что он был практически неотразим, поэтому нагваль Элиас глубоко повлиял на этих двух людей, в течении трех месяцев повседневного взаимодействия он приучил их к своей последовательности, своей беспристрастности, своей объективности. Они были очарованы его рассудительностью, и превыше всего, его тотальной преданностью им. На своем примере и с помощью своих действий, нагваль Элиас дал им выдержанный взгляд на мир магов: подтвержденный и выношенный, но крайне требовательный. Это был мир, который допускал очень мало ошибок.

Дон Хуан напомнил мне то, что он часто повторял в наших беседах, и что мне всегда не удавалось додумать до конца. Он сказал, чтобы я не забывал даже на миг о том, что птица свободы не терпит нерешительности, а улетаая, не возвращается никогда.

Знобющий резонанс его голоса наполнил неотложностью то, что секундой раньше казалось мирной темнотой.

Дон Хуан вернул умиротворенность так же быстро, как и вызвал настоятельность. Он слегка ударил по моей руке.

— Эта женщина была так сильна, что кругами ходила вокруг каждого, — сказал он. — ее звали Талиа.

Мы вернулись в дом дон Хуана ранним утром. Спуск с горы отнял много времени в основном из-за того, что я боялся упасть в темноте в пропасть, а дон Хуан часто останавливался, чтобы перевести дух — он буквально задыхался от смеха надо мной.

Я смертельно устал, но не мог заснуть. Перед обедом начался дождь. Шум ливня по крыше вместо того, чтобы навеять на меня дремоту, разгонял любой намек на сон.

Я встал и пошел посмотреть на дон Хуана. Он дремал на стуле. Пока я подходил к нему, он уже бодрствовал. Мне оставалось только поприветствовать его.

— Ты кажется заснул без хлопот, — заметил я.

— Когда ты боишься или находишься в подавленном настроении, не спи лежа, — сказал он, не глядя на меня. — засыпай, сидя на мягком стуле, как это делаю я.

Он предложил мне, если я хочу дать своему телу целебный покой и вздремнуть получше, повернуть лицо в левую сторону и вытянуть ноги за основание кровати. Чтобы избежать переохлаждения, он посоветовал мне положить на плечи мягкую подушку подальше от шеи и одеть толстые носки или просто оставить на ногах обувь.

Когда я впервые услышал его предложение, то подумал, что он шутит, но позже изменил свое мнение. Засыпая в таком положении, я отдыхал на редкость хорошо. Когда же я поделился своими удивительными результатами, он посоветовал, чтобы я следовал его предложениям буквально и не беспокоился о том, чтобы верить или не верить ему.

Я напомнил дон Хуану то, что он хотел рассказать мне прошлой ночью о сне в сидячем положении. Я объяснил ему, что причина моей бессонницы, кроме крайней усталости, заключалась в странной озабоченности тем, что он рассказал мне о пещере магов.

— Брось это! — воскликнул он. — ты видел и слышал более неприятные вещи, но они не отнимали у тебя сон. Что-то еще взволновало тебя.

На миг мне показалось, что он сомневается в правдивости моей реальной озабоченности. Я начал что-то объяснять, но он продолжал говорить, словно я молчал.

— Простой ночью ты категорично заявил, что пещера не проецирует на тебя чувство неловкости, — сказал он. — очевидно, это было не так. Простой ночью я не развивал эту тему дальше, желая понаблюдать за твоей реакцией

Дон Хуан объяснил, что пещера была предназначена магами древних времен для того, чтобы служить катализатором. Ее форма была тщательно приспособлена для размещения двух людей как двух полей энергии. По теории магов природа скалы и манера, в которой была вырезана пещера, позволяли двум телам, двум светящимся шарам тесно переплетаться своими энергиями.

— Я привел тебя в эту пещеру нарочно, — продолжал он, — не потому что я люблю это место — нет, оно мне не нравится — потому, что оно создано как инструмент для проталкивания ученика глубоко в повышенное сознание. Но к сожалению, помогая, она делает неясным результат. Древние маги не размышляли. Они склонялись к действию.

— Ты всегда говорил, что твой бенефактор был похож на них, — сказал я.

— Это мое преувеличение, — ответил он, — очень похожее на то, когда я обзываю тебя дураком. Мой бенефактор был современным нагвалем, вовлеченным в поиски свободы, но он склонялся больше к действию, чем к размышлениям. Ты тоже современный нагваль, вовлеченный в тот же поиск, но ты упорно склоняешься к абберрациям рассудка.

Он нашел свое сравнение ужасно забавным, и пустую комнату огласило эхо его смеха.

Когда я предложил вернуть беседу к теме пещеры, он притворился, что не слышит меня. Я

знал, что он притворяется по блеску его глаз и хитрой улыбке.

— Прошлой ночью я преднамеренно рассказал тебе о первом абстрактном ядре, — сказал он, — в надежде, что размышляя о том, как я поступал с тобой в течении этих лет, у тебя появится представление и о других ядрах. Ты провел со мной много времени и потому хорошо знаешь меня. В любую минуту нашего общения свои действия и мысли я старался приспособить к структуре абстрактных ядер.

— История нагваля Элиаса — это другой вопрос. Хотя она и похожа на историю о людях, в действительности это история о намерении. Намерение создает системы взглядов раньше нас и приглашает нас описать их. Это путь понимания магов того, что происходит вокруг них.

Дон Хуан напомнил мне, что я всегда настаивал на попытках обнаружить основной порядок во всем, что он говорил мне. Я подумал, что он осуждает меня за усилие превратить то, чему он учил меня, в проблему социологии, и начал говорить ему, что мои взгляды изменились под его влиянием. Он остановил меня и улыбнулся.

— Ты действительно слабо соображаешь, — сказал он и вздохнул. — Мне хочется чтобы ты понял основной порядок того, чему я учу тебя. Мое неудовольствие вызвано тем, как ты понимаешь основной порядок. Для тебя он означает тайные процедуры или скрытую последовательность. Для мага же это две вещи: система взглядов, которую намерение перерабатывает в отблеск глаз и помещает перед нами для описания, и знамения, которые даются нам так, чтобы мы не теряли того, чем мы являемся внутри.

— Как видишь, история нагваля Элиаса представляет собой нечто большее, чем просто отчет о последовательных деталях, которые выстраивают событие, — продолжил он. — под всем этим была доктрина намерения. И история должна была дать тебе представление о том, какими были нагвали прошлого, чтобы ты понял, как они действовали, подгоняя свои мысли и поступки под доктрины намерения.

Наступила продолжительная тишина. Мне нечего было сказать. Скорее для того, чтобы поддержать разговор, я сказал первое, что пришло мне на ум. Я сказал, что по истории, услышанной о нагвале Элиасе, я составил о нем очень положительное мнение. Мне нравился нагваль Элиас, но по неизвестной причине все, что дон Хуан рассказывал мне о нем, беспокоило меня.

Простое упоминание о моем смущении привело дон Хуана в чрезвычайный восторг. Он вскочил со стула и поперхнулся от смеха. Немного погодя он положил свою руку на мое плечо и сказал, что мы или любим, или ненавидим тех, кто является отражением нас самих.

И опять глубокая застенчивость помешала мне спросить его, что он этим хочет сказать. Дон Хуан продолжал смеяться, ясно осознавая мое настроение. Наконец он заметил, что нагваль Элиас был похож на ребенка, чья рассудительность и умеренность всегда приходила извне. Он, как ученик в магии, не имел внутренней дисциплины за своим обучением.

У меня появилось нерациональное желание защитить себя. Я сказал дон Хуану, что моя дисциплина приходит изнутри.

— Ну, конечно, — покровительственно согласился он. — Ты просто не ожидал, что в точности похож на него. — И он засмеялся вновь.

Иногда дон Хуан доводил меня до того, что я был готов закричать. Но мое настроение долго не продержалось и быстро исчезло, как только вдали замаячил следующий вопрос. Я спросил дон Хуана, возможно ли то, что я входил в состояние повышенного сознания, не осознавая этого? И мог ли я оставаться в нем в течении нескольких дней?

— На этой стадии тыходишь в состояние повышенного сознания самостоятельно, — сказал он. — повышенное сознание — тайна только для нашего разума. На практике все очень просто. Как и со всем другим. Мы усложняем вопрос, пытаясь сделать приемлемой ту

безмерность, которая окружает нас.

Он отметил, что мне следует думать об абстрактном ядре, которое он дал мне, а не спорить попусту о своей персоне.

Я сказал ему, что думал об этом все утро и пришел к выводу, что метафорической темой истории были манифестации духа. Но я не мог различить в ней то абстрактное ядро, о котором он говорил. Это было что-то неопределенное.

— Повторяю, — сказал он тоном школьного учителя, муштрующего своего ученика, — манифестации духа — это название первого абстрактного ядра в магических историях. Очевидно маги подразумевали под абстрактным ядром нечто такое, что в настоящее время тобой не принимается во внимание. Эта часть, ускользнувшая от тебя, известна магам как доктрина намерения или безмолвный голос духа или невыраженная расстановка абстрактного.

Я сказал, что понимаю невыраженное как что-то неоткрытое явно, например, «скрытые мотивы». Он ответил мне, что в данном случае невыраженное означает нечто большее: оно означает знание без слов, лежащее вне нашего непосредственного понимания — особенно моего. Он признался, что понимание на которое он ссылается было просто за пределами моей уместности момента, а не за моими конечными возможностями понимания.

— Если абстрактные ядра остаются вне моего понимания, какой смысл рассказывать о них? — спросил я.

— Правило гласит, что абстрактные ядра и магические истории должны быть рассказаны на этом этапе, — ответил он. — и когда-нибудь, присущая историям, невыраженная расстановка абстрактного, которая является знанием без слов или доктриной намерения, откроет тебе твои собственные истории.

Я ничего не понимал.

— Невыраженная расстановка абстрактного — это не просто порядок, в котором даются абстрактные ядра, — объяснил он, — и не то, что в них есть общее, и даже не та паутина, которая связывает их. Это скорее то, когда познаешь абстрактное прямо, без посредничества речи.

В молчании он подверг меня тщательному рассмотрению с головы до ног с явной целью видеть меня.

— Да, пока для тебя это не ясно, — объявил он.

Он сделал нетерпеливый жест и даже вспылал, словно был раздражен моей медлительностью. Это взволновало меня. Дон Хуан не давал выхода психологическому недовольству.

— Ни ты, ни твои действия тут ни при чем, — сказал он, когда я спросил его почему он рассердился или разочарован мною. — это была мысль, которая проскочила в моем уме, когда я видел тебя. Это черта в твоём светящемся существе, которую старые маги давали всему, что имели.

— Расскажи мне об этом, — потребовал я.

— Я напомню тебе о ней как-нибудь в другой раз, — сказал он. — между тем, давай продолжим беседу об элементе, подпирающем нас: об абстрактном. Элемент, без которого нет ни пути воина, ни самих воинов в поисках знания.

Он сказал, что затруднения, переживаемые мной, не были ничем новым для него. Он сам прошел через муки познания невыраженного порядка абстрактного. И не будь указующей руки нагваля Элиаса, он был бы таким же взвинченным, как и его бенефактор, у которого было много действия и очень мало понимания.

— Каким был нагваль Элиас? — спросил я, меняя тему.

— Он во всем отличался от своего ученика, — сказал дон Хуан. — Он был индейцем, очень

темным и массивным. У него были грубые черты, большой рот, сильный нос, небольшие черные глаза, густые черные волосы без седины. Он был резче, чем нагваль Хулиан, и имел большие руки и ступни. Это был очень скромный и очень мудрый человек, но он никогда ничем не выделялся. По сравнению с моим бенефактором он был тусклым. Всегда весь в себе, обдумывая вопросы. Нагваль Хулиан шутил, что его учитель наделен тонной мудрости. За его спиной он называл его нагваль-тоннаж.

— Я никогда не видел смысла в его шутках, — продолжал дон Хуан. — Для меня нагваль Элиас был как глоток свежего воздуха. Он терпеливо мог мне объяснить что угодно. Это похоже на мои объяснения, но возможно он в чем-то был несколько глубже. Я не могу назвать это что-то состраданием, скорее подошло бы сопереживание. Воины не могут чувствовать сострадания, поскольку они больше не чувствуют жалости к себе. Без движущей силы самосожаления сострадание бессмысленно.

— Дон Хуан, ты говорил, что воин является всем для себя самого?

— В некотором смысле да. Для воина все начинается и кончается в нем самом. Однако, его контакт с абстрактным вынуждает его преодолевать свое чувство важности. Поэтому личное "я" становится абстрактным и безличным. Нагваль Элиас считал, что наши жизни и наши личности совершенно похожи, продолжал дон Хуан. — в этом смысле он чувствовал себя обязанным помогать мне.

Я не чувствую эту схожесть с тобой, поэтому полагаю, что могу рассматривать тебя во многом так же, как нагваль Хулиан рассматривал меня.

Дон Хуан сказал, что нагваль Элиас взял его под свое крыло с самого первого дня, как он прибыл в дом своего бенефактора и начал обучение. Нагваль Элиас обучал его независимо от того, мог ли дон Хуан хоть что-нибудь понять. Его желание помочь дон Хуану было таким сильным, что он практически держал его как пленника, защищая тем самым от резких нападков нагваля Хулиана.

— Вначале я оставался все время в доме нагваля Элиаса, — продолжал дон Хуан. — и мне это нравилось. В доме моего бенефактора я всегда был начеку и настороже, боясь того, что он сможет сделать со мной в следующий раз. В доме нагваля Элиаса я чувствовал себя уверенно и свободно.

— Мой бенефактор безжалостно давил на меня, а я не мог понять, к чему такой нажим. Мне казалось, что он был просто безумным.

Дон Хуан сказал, что нагваль Элиас был индейцем из Оахсаки, его обучал другой нагваль по имени Розендо, родом из тех же мест. Дон Хуан описывал нагваля Элиаса как очень консервативного человека, который дорожил своим уединением. В то же время он был известным целителем и магом, о нем знали не только в Оахсаке, но и по всей Южной Мексике. Тем не менее, несмотря на свое занятие и дурную славу, он жил в полной изоляции на противоположном конце страны, в Северной Мексике.

Дон Хуан прервал рассказ. Подняв брови, он уставился на меня вопросительным взглядом. Но все, что я хотел от него, это то, чтобы он продолжал свою историю.

— Каждый раз, когда я думаю, что ты должен задать вопрос, ты молчишь, сказал он. — я уверен, ты слышал мои слова, что нагваль Элиас был знаменитым магом, который каждый день общался с людьми в Южной Мексике, и в то же время он был отшельником в Северной Мексике. Неужели это не возбудило твоего любопытства?

Я почувствовал себя безнадежно глупым. Я сказал, что когда он рассказывал мне эти факты, в моей голове крутилась мысль, что человеку должно быть ужасно трудно регулярно совершать такие поездки.

Дон Хуан засмеялся, и поскольку он буквально вынуждал меня осознать этот вопрос, я

спросил его, каким образом нагваль Элиас мог быть в двух местах одновременно.

— Сновидение — вот реактивный самолет мага. Нагваль Элиас был сновидящим, в то время как мой бенефактор был сталкером. Он был способен создать или спроецировать то, что магам известно как сновиденное тело или другой, поэтому он мог быть в двух отдаленных местах в одно и то же время. Благодаря сновиденному телу, он вел свою коммерческую деятельность как маг, а в своем естественном "я" он был затворником.

Я заметил, что меня удивляет та легкость, с какой я принял то, что нагваль Элиас имел способность проецировать плотный трехмерный образ самого себя, в то время как объяснения абстрактных ядер остаются мне непонятными.

Дон Хуан сказал, что я принял идею о двойной жизни нагваля Элиаса потому что дух сделал окончательную корректировку в моей способности осознания. Я выпустил огневой вал протестов по поводу неясности его утверждения.

— Что же тут неясного, — сказал он. — Это изложение факта. Ты можешь сказать, что это непонятный факт на данный момент, но все может измениться.

Прежде, чем я успел ответить, он опять начал говорить о нагвале Элиасе. Он сказал, что нагваль Элиас обладал очень любознательным умом и мог прекрасно работать своими руками. В своих сновидениях он путешествовал и видел множество объектов, которые затем вырезал из дерева и выковывал из железа. Дон Хуан заверил меня, что некоторые из этих моделей были навязчиво и изысканно красивы.

— Что было прообразом этих объектов? — спросил я.

— Вряд ли можно узнать это, — сказал дон Хуан. — можешь считать, что будучи индейцем, нагваль Элиас бродил в своих сновидениях путешествиях по тропам диких животных в поисках добычи. Животные никогда не появляются там, где есть признаки активности. Она приходит только тогда, когда никого нет вокруг. Нагваль Элиас, как одинокий сновидящий, посещал свалку вечности, назовем ее так, когда вокруг никого не было — копируя то, что видел, он никогда ни то, для чего эти вещи использовались, ни их источник.

Вновь я без труда принял то, что он сказал. Идея ни в коей мере не казалась мне притянутой за уши. Я начал говорить ему об этом, но он прервал меня движением бровей и продолжил свое описание нагваля Элиаса.

— Посещать его было для меня огромным удовольствием, — сказал дон Хуан, — и одновременно, причиной странной вины. Здесь мне было очень скучно. Не потому, что нагваль Элиас был очень скучным, но потому что нагваль Хулиан не имел себе равных и лез в жизнь постоянно.

— А я думал, что ты чувствовал себя в доме нагваля Элиаса спокойно и уверенно, — сказал я.

— Все так и было, и именно это было источником моей вины, и моей воображаемой проблемы. Как и ты, я любил мучить самого себя. Мне кажется, что с самого начала я обрел мир в кампании нагваля Элиаса, но позже, когда я понял нагваля Хулиана, я пошел по его тропе.

Он рассказал мне, что дом нагваля Элиаса имел открытую, с крышей, часть спереди, где находилась кузница, столярный верстак и инструменты. Кирпичный дом с черепичной крышей состоял из огромной комнаты с земляным полом, где он жил с пятью женщинами-видящими, которые на самом деле были его женами. Здесь же находились и четверо мужчин, магов-видящих его партии, которые жили в небольших домах вокруг дома нагваля. Они были индейцами из разных частей страны, переселившимися в Северную Мексику.

— Нагваль Элиас уделял сексуальной энергии большое внимание, — сказал дон Хуан. — он верил, что она дана нам для того, чтобы мы могли использовать ее в сновидении. Он верил, что сновидение ушло из употребления потому, что оно нарушало ненадежный ментальный баланс

восприимчивых людей.

— Я обучал тебя сновидению так же как он учил меня, — продолжал дон Хуан.

— А он учил меня тому, что пока мы видим сон, точка сборки движется очень мягко и естественно. Ментальный баланс — ничто, но он фиксирует точку сборки на том месте, к которому мы привыкли. Чтобы сны заставляли эту точку передвигаться, а сновидение контролировало это естественное движение, сновидению необходима сексуальная энергия, порою результат может оказаться просто бедственным, когда сексуальная энергия тратится на секс, а не на сновидение. В таком случае сновидящие передвигают свою точку сборки рывками и теряют свой рассудок.

— Что ты хочешь этим сказать, дон Хуан? — спросил я, почувствовав, что тема сновидения шла вразрез естественному ходу беседы.

— Ты сновидящий, — сказал он. Если ты не будешь внимательней к своей сексуальной энергии, то должен иметь представление о неровных движениях своей точки сборки.

Я сделал глупое и неуместное замечание о сексуальной жизни взрослых мужчин.

— Наша сексуальная энергия является тем, что управляет сновидением, объяснил он. — Нагваль Элиас учил меня — а я учу тебя — что либо ты тратишь свою сексуальную энергию на любовь, либо сновидишь, благодаря ей. И здесь нет другого выбора. Я говорю с тобой об этом потому, что ты с большим трудом передвигаешь свою точку сборки, пытаешься уловить нашу последнюю тему — абстрактное.

— То же самое было и со мной, — продолжал дон Хуан. — это было тогда, когда моя сексуальная энергия освобождалась от мира, который все ставит на свои места. Это правило для сновидящих. У сталкеров все наоборот. Мой бенефактор был, как ты бы мог сказать, сексуальным распутником и как обычный человек, и как нагваль.

Дон Хуан казалось был на грани раскрытия дел своего бенефактора, но очевидно сменил свое умонастроение. Он встряхнул головой и сказал, что пока я слишком жесткий для таких откровений. Я не настаивал.

Он сказал, что нагваль Элиас имел рассудительность, которую сновидящий приобретает только после невообразимых боев с самим собой. Он использовал свою рассудительность, погружая самого себя в изнурительный поиск ответов на вопросы дон Хуана.

Нагваль Элиас объяснил, что моя трудность в понимании духа была такой же как и его собственная, — продолжал дон Хуан. — он считал, что есть две различные проблемы. Первой была необходимость косвенного понимания того, чем является дух, второй — прямое понимание духа.

— Сперва у тебя будут проблемы. Но стоит тебе понять, что собой представляет дух, вторая проблема будет решена автоматически, и наоборот. Если дух говорит с тобой, используя свои безмолвные слова, ты немедленно узнаешь то, чем является дух.

Он сказал, что нагваль Элиас верил, что трудность заключалась в нашем нежелании принять идею того, что знание может существовать без слов, объясняющих его.

— Но мне не трудно принять это, — сказал я.

— Принять это утверждение не так легко, как сказать, что ты его принял, — сказал дон Хуан, — нагваль Элиас говорил мне, что все человечество движется прочь от абстрактного, хотя когда-то мы должны были быть близки к нему. Оно было нашей питательной средой и силой. Затем что-то случилось, и это оторвало нас от абстрактного. Теперь мы не можем вернуться к нему. Он сказал, что от ученика требуются годы, чтобы он смог подойти к абстрактному, то есть познать, что знание и язык могут существовать независимо друг от друга.

Дон Хуан повторил, что суть нашего затруднения в возврате к абстрактному заключалась в нашем отказе принять то, что мы можем знать без слов и даже без мыслей.

Я хотел возразить, что он говорит бессмысленные вещи, как вдруг испытал сильное чувство, что что-то упустил. И что этот пункт был очень важен для меня. Он действительно пытался рассказать мне о чем-то, что или не мог уловить или что не могло быть описано полностью.

— Знание и язык отделены друг от друга, — мягко повторил он.

У меня вырвалось, — я знаю это, — как будто я действительно имел такое знание, когда поймал себя на этом.

— Я же говорил тебе, невозможно говорить о духе, — продолжал он, — поскольку дух можно только переживать. Маги пытаются объяснить это состояние говоря, что духа нельзя ни увидеть, ни почувствовать. Но он всегда маячит над нами. Иногда он приходит к некоторым из нас. Большую часть времени он кажется равнодушным к нам.

Я молчал. Дон Хуан продолжал объяснять. Он сказал, что дух во многих отношениях был видом дикого животного. Он держится от нас на расстоянии, пока не наступает момент, когда что-то привлекает его к нам. И тогда дух начинает манифестировать себя.

Я задал вопрос. — Если дух не существо и не присутствие, и не имеет сущности, как кто-то может соблазнить его?

— Твоя проблема, — сказал он, — в том, что ты считаешься только со своей собственной идеей об абстрактном. Например, внутренняя сущность человека или фундаментальные принципы абстрактны для тебя. Или, возможно что-то немного менее определенное, такое как характер, воля, мужество, достоинство, честь, дух, конечно, может быть описан в терминах всего этого. Но что нас смущает больше всего, так это то, что он и все это, и ничего из этого.

Дон Хуан добавил, что я считаю абстрактное либо как противоположность практичности, с которой я думаю, либо как вещь, которая, по-моему мнению не имеет конкретного существования.

— Тогда как для мага абстрактное является чем-то таким, чему нет параллели в человеческом состоянии, — сказал он.

— Но это же одинаковые вещи, — закричал я. — разве ты не видишь, что мы говорим об одном и том же?

— Мы не говорим об одном и том же, — возразил он. — Для мага дух является абстрактным только потому, что он знает его без слов и даже без мыслей. И все же без малейшего шанса или желания понять его, маг управляет духом, он знает его, заманивает и привлекает его, становится знакомым ему и выражает его в своих действиях.

Я начал в отчаянии качать головой. Я не видел никакой разницы.

— Суть твоего заблуждения в том, что я использовал для описания духа термин «абстрактное», — сказал он. — для тебя абстрактное является словами, которые описывают состояние интуиции. Возьмем, например, слово «дух», которое не может описать смысл или прагматическое переживание, и которое, конечно же, используется ни для чего иного, как только чтобы щекотать твою фантазию.

Дон Хуан разъярил меня. Я обозвал его упрямым, а он смеялся надо мной. Он предположил, что если я обдумаю утверждение о том, что знание может быть независимо от речи, не беспокоясь о понимании этого, возможно я увижу просвет.

— Подумай над этим, — сказал он. — встреча со мной это не совсем то, что думаешь ты. В тот день, когда я встретил тебя, ты встретился с абстрактным. Но поскольку ты не мог говорить об этом, ты не заметил его. Маги встречают абстрактное без размышлений о нем или видения его или прикосновения к нему или ощущения его присутствия.

Я хранил молчание, так как мне не улыбалось спорить с ним. Иногда мне казалось, что он становится умышленно малопонятным. А дон Хуан, по-видимому, был страшно доволен самим собой.

ПОСЛЕДНЕЕ ОБОЛЬЩЕНИЕ НАГВАЛЯ ХУЛИАНА

В патио дома дон Хуана было прохладно и тихо как под сводами женского монастыря. Несколько больших фруктовых деревьев, посаженных очень близко друг от друга, казалось регулировали температуру и поглощали все звуки. Помню, когда я впервые зашел к нему в дом, я сделал критическое замечание по поводу нелогичного образа, которым были посажены эти фруктовые деревья. Я бы дал им большее пространство. Он ответил, что эти деревья не были его собственностью, они были свободными и независимыми воинами деревьями, которые присоединились к его партии воинов, и что мое замечание, предназначенное для обычных деревьев, было не актуальным.

Его ответ прозвучал для меня метафорично. Я не знал еще тогда, что все, о чем он говорит, надо понимать буквально. Дон Хуан и я сидели в плетеных креслах лицом к фруктовым деревьям. Они были полностью увешаны плодами. Я заметил, что зрелище не только красивое, но и крайне интригующее поскольку сезон плодов еще не наступил.

— Есть интересная история об этом, — отозвался он. — как ты уже знаешь, эти деревья-воины моей партии. Они плодоносят теперь потому, что все члены моей партии рассказывали и выражали чувства о нашем окончательном путешествии вот здесь, перед ними. И деревья теперь знают, что когда мы двинемся в наше окончательное путешествие, они будут сопровождать нас.

Я удивленно уставился на него.

— Я не могу оставить их, — объяснил он. — они же тоже воины. Они связали свою судьбу с партией нагвалей. И они знают то, как я отношусь к ним. Точка сборки деревьев находится очень низко в их огромной светящейся оболочке, и это позволяет им знать наши чувства, которые мы имеем сейчас когда обсуждаем мое окончательное путешествие.

Я промолчал, не желая останавливаться на этой теме. Дон Хуан заговорил рассеивая мое настроение.

— Второе абстрактное ядро магических историй называется стук духа, — сказал он. — первое ядро, манифестации духа, является доктриной, которую намерение выстроило и поместило перед магом, приглашая его к участию. Это доктрина намерения, увиденная магом. Стук духа — та же доктрина, увиденная начинающим, которого приглашают, а скорее всего принуждают к участию.

— Это второе абстрактное ядро само по себе является историей. История гласит, что после того, как дух проявил себя тому человеку, о котором мы говорили, и не получил ответа, он сделал для человека ловушку. Это было окончательной уловкой, не потому что человек был каким-то особенным, но потому что непонятная цепь событий духа сделала этого человека доступным в тот момент, когда дух постучал в дверь.

— Само собой разумеется, чтобы дух ни открывал этому человеку, все проходило мимо его понимания. Фактически, это шло вразрез всему, что знал человек, всему, чем он был. Конечно, человек тут же отказывался, и не за какие коврижки не хотел иметь ничего общего с духом. Он не мог позволить себе опуститься до такой нелепой бессмыслицы. Он был не так глуп. Результатом был полный тупик.

— Я могу сказать, что это идиотская история, — продолжил он.

— Я могу сказать так: то что я дал тебе, служит успокоительным средством для тех, кому неудобно с безмолвием абстрактного.

Мгновение он смотрел на меня, а потом улыбнулся.

— Тебе нравятся слова, — сказал он обвиняющим тоном. — простая идея безмолвного знания пугает тебя. Но истории, какими бы глупыми они не были, восхищают тебя и заставляют

тебя чувствовать себя надежно защищенным.

Его улыбка была такой озорной, что я не мог удержаться от смеха.

Затем он напомнил мне, что я уже слышал его подробный рассказ о том, как дух первый раз постучал в его дверь. Некоторое время я не мог понять, о чем он говорит.

— То был не просто мой бенефактор, который наткнулся на меня, когда я умирал от пули, — объяснил он. — в тот день дух нашел меня и постучал в мою дверь. Мой бенефактор понимал, что он был здесь только проводником духа. Без вмешательства духа встреча с моим бенефактором ничего бы не значила.

Он сказал, что нагваль мог стать проводником только после того, как дух проявил свою готовность быть использованным либо почти неощутимо, либо решительными указаниями. Поэтому нагвалю просто невозможно выбирать себе учеников по своей собственной воле или по своим собственным расчетам. Но когда готовность духа раскрыта через предзнаменование, нагваль не жалея сил стремится удовлетворить его.

— После продолжительной практики, — продолжал он, — маги, и особенно нагвали, знают, приглашает ли их дух участвовать в доктрине, выставленной перед ними, или нет. Они обучены дисциплине своих звеньев, связующих их с намерением. Поэтому они всегда начеку, зная, что дух для них наготове.

Дон Хуан сказал, что прогресс на пути мага, в основном, представляет собой решительный процесс, целью которого было приведение связующего звена в порядок. Звено, связующее обычного человека с намерением, практически мертво, и маги начинают со звена, которое бесполезно, поскольку оно не реагирует добровольно.

Он подчеркнул, что для того, чтобы оживить это звено, магам нужна строгая, сильная цель — особое состояние ума, называемое непреклонным намерением. Принятие того, что нагваль является единственным существом, способным обеспечить непреклонным намерением, было наиболее трудной частью ученичества мага.

Я возразил, что не вижу здесь ничего трудного.

— Ученик — это тот, кто стремится очистить и оживить звено, связующее его с духом, — объяснил он. — когда же звено оживлено, он больше не ученик, но до той поры для того, чтобы продолжать движение, ему нужна сильная цель, которой, конечно, у него нет. Поэтому он позволяет нагвалю снабдить его целью и сделать так, чтобы он отбросил свою индивидуальность. Это очень трудная часть.

Он напомнил мне кое-что из того, о чем говорил довольно часто: что добровольцы в мир магов не требуются, поскольку они имеют уже свою собственную цель, которая чрезвычайно затрудняет им отбрасывание своих индивидуальностей. Если мир магов диктует идеи и действия, противоположные целям добровольцев, они просто отказываются изменяться.

— Оживить звено ученика — наиболее требовательный и интригующий труд нагваля, — продолжал дон Хуан, — и одна из величайших его головных болей. В зависимости, конечно же, от личности ученика замыслы духа либо возвышенно просты, либо похожи на запутанный лабиринт.

Дон Хуан заверил меня, что хотя я обладал противоположными представлениями, мое ученичество не было так обременительно для него, как его обучение — для его бенефактора. Он признавал, что я обладал небольшой толикой самодисциплины, что было очень кстати, в то время как он ничего подобного не имел. А его бенефактор, в свою очередь, обладал еще меньшим.

— Расхождение различимо в манифестациях духа, — продолжал он. — В некоторых случаях они едва заметны, в моем случае, они были командами. В меня стреляли. Кровь струилась из раны в моей груди. Мой бенефактор действовал со мной быстро и уверенно, также

как действовал с ним его собственный бенефактор. Маги знают, что более трудными являются команды, поскольку тогда приходят более трудные ученики. Дон Хуан объяснил, что одним из наиболее выгодных аспектов его общения с двумя нагвалями было то, что он слышал одни и те же истории с двух противоположных точек зрения. Например, история о нагвале Элиасе и манифестациях духа из перспективы ученика оказывалась историей стука духа в дверь его бенефактора. — все, что связано с моим бенефактором, очень затруднительно, — сказал он и начал смеяться. — когда ему было двадцать четыре года, дух не просто стучал в его дверь, он буквально грохотал по ней.

Он сказал, что на самом деле история началась много лет назад, когда его бенефактор был красивым подростком из хорошей семьи города Мехико. Он был богатым, образованным, одаренным и имел обаятельную личность. Женщины влюблялись в него с первого взгляда. А он уже тогда потворствовал всем своим желаниям и отличался недобросовестностью и ленью ко всему, что не давало ему немедленного удовлетворения.

Дон Хуан сказал, что благодаря такой личности и своему типу воспитания — он был единственным сыном богатой вдовы, которая вместе с четырьмя любящими сестрами буквально обожала его — он и не мог вести себя иначе. Он позволял себе любую непристойность, какую только мог придумать. Даже среди своих таких же индугирующих друзей он казался нравственным преступником, которому нравится только то, что весь мир считает морально недостойным.

В конечном счете его излишества ослабили его физически, и он смертельно заболел туберкулезом — страшной болезнью того времени. Но его слабость, вместо того, чтобы ограничить его, создала физическое состояние, в котором он чувствовал себя более чувственным, чем когда-либо. Поскольку он не имел ни грамма самоконтроля, юноша полностью бросился в распущенность, и его здоровье ухудшалось, пока не стало безнадежным.

Пословица, что беда никогда не приходит одна, прекрасно подходила к бенефактору дон Хуана. В то время как его здоровье становилось все хуже и хуже, мать юноши, которая была единственным источником поддержки и его сдерживающим началом, умерла. Она оставила ему крупное наследство, которого должно было хватить на всю жизнь, но недисциплинированный парень промотал его до цента за несколько месяцев. Не имея ни профессии, ни ремесла, ему оставалось только клянчить себе на пропитание.

Без денег у него не стало друзей, и даже женщины, любившие его, повернули к нему свои спины. В первый раз в своей жизни он натолкнулся на суровую действительность. Надо принять во внимание состояние его здоровья. Это был конец. Но он не унывал и решил зарабатывать себе на жизнь.

Однако, его чувственные привычки не изменились, они заставили его искать работу в единственном удобном для него месте — театре. Его квалификация состояла в том, что он родился неплохим актером и большую часть своей сознательной жизни провел в обществе актрис. Он присоединился к провинциальной труппе, оставил знакомый круг друзей и близких и стал сильным актером — чахоточным героем в религиозных и нравственных постановках.

Дон Хуан указал на странную иронию, которая всегда отличала жизнь его бенефактора. Будучи окончательно развращенным, он угасал от распутства и исполнял роли святых и мистиков. Он даже играл Иисуса в представлении страстей господних на страстную неделю.

Его здоровья хватило только на одно театральное турне по северным штатам. А затем в городке Дюранго случилось два события: его жизнь подошла к концу и дух постучал в его дверь.

И смерть и стук духа пришли в одно и то же время среди бела дня в кустах. Смерть охватила его в момент обольщения юной женщины. Он уже был крайне слаб, а в этот день попросту истощил себя. Молодая женщина, оживленная, сильная и безумно увлеченная, обещав предаться

с ним любви, заставила следовать за собой в уединенное место в нескольких милях от города. Там она около часа избивала его. И когда она в конце концов отдалась ему, он оказался полностью изможден, его кашель был так силен, что он с трудом дышал.

Во время последней страстной вспышки он почувствовал жгучую боль в своем плече. Казалось, что его грудная клетка разрывалась в стороны, а приступ кашля вызвал неконтролируемые спазмы. Но принуждение искать удовольствия держало его до тех пор, пока к нему не пришла смерть в виде кровотечения. Потом, когда в игру вступил дух, он был возрожден индейцем, который пришел к нему на помощь. Немного раньше он заметил, что какой-то индеец снует вокруг них, но это была второстепенная мысль, поскольку он был поглощен обольщением.

Он увидел, как во сне, девушку. Она не была напугана и ни на миг не теряла своего самоконтроля. Спокойно и расторопно она надевала на себя снятую одежду с той твердостью, с какой собаки гонят зайца.

Еще он увидел подбежавшего к нему индейца, который пытался усадить его. Он слышал, как тот говорит идиотские вещи. Он слышал, как тот отдавал себя на волю духа и шептал невразумительные слова на незнакомом языке. Потом индеец действовал очень быстро. Став позади него, он нанес ему сильный шлепок по спине.

Вполне рационально умирающий мужчина решил, что индеец хочет либо выбить из него сгусток крови, либо попусту убить его.

А так как индеец бил по спине все сильнее и сильнее, умирающий в конце концов убедился, что это либо любовник, либо муж женщины, и приготовился умирать. Но, увидев сильно блестящие глаза индейца, он переменял свое мнение. Он понял, что это сумасшедший, который никак не был связан с женщиной. Благодаря последним остаткам сознания он сфокусировал свое внимание на бормотании мужчины. Он говорил что-то о том, что сила человека огромна, что смерть существует только потому, что мы намеренно делаем ее возможной с момента нашего рождения, что намерение смерти может быть отменено с помощью изменения положения точки сборки.

Он понял, что индеец совершенно безумен. Его ситуация была как театральная — умирать на руках сумасшедшего индейца, шепчущего тарабарщину что он готов был поклясться в том, что до самого конца ему придется оставаться актером, и он пообещал себе не умирать ни от кровотечения, ни от ударов, а умереть от смеха. И он смеялся до тех пор, пока не умер.

Дон Хуан отметил, что здесь нет ничего противоестественного, его бенефактор просто не мог серьезно принимать индейца. Никто не смог бы принимать такую личность серьезно, и превыше всего нет такого перспективного ученика, который бы мог добровольно выполнить задачу магии.

Потом дон Хуан говорил о том, что дал мне различные версии того, что представляет собой задача магии. Он сказал, что с его стороны не будет нахальством раскрыть то, что с точки зрения духа задача заключается в очищении звена, связующего нас с ним. Доктрина намерения выставляется перед нами, потом прояснение, в котором мы найдем не так уж много процедур, очищает наше связующее звено, поскольку приходит безмолвное знание которое создает очистительный процесс. Без этого безмолвного знания процесс не срабатывает, и все мы будем иметь лишь неопределенное чувство потребности чего-то.

Он объяснил, что события, вызванные магами как результат безмолвного знания, так просты и в то же время так абстрактны, что маги долгое время решали говорить о них только в символических терминах. Примеры тому — манифестации и стук духа.

Дон Хуан сказал, что к примеру описание происходящего в течении первоначальной встречи нагваля с возможным учеником, с точки зрения магов будет абсолютно невразумительно. Бессмысленно объяснять, что нагваль благодаря своему жизненному опыту,

фокусирует нечто такое, что мы не можем себе вообразить, свое второе внимание, повышенное сознание, полученное через обучение магии — на своей невидимой связи с неким неопределенным абстрактным. Делая это, он выделяет и очищает невидимую связь кого-то с неопределенным абстрактным.

Каждый из нас, заметил он, ограждает себя от безмолвного знания естественными барьерами специфичными для каждой индивидуальности, наиболее неприступным из моих барьеров была попытка замаскировать свое самодовольство под независимость.

Возражая, я попросил его дать мне конкретный пример. Я напомнил ему, как он однажды предупредил меня, что излюбленной уловкой в дискуссии является выдвигание критики, которую нельзя подкрепить конкретными примерами.

Дон Хуан посмотрел на меня и радостно улыбнулся.

— В прошлом я давал тебе растения силы, — сказал он. — сначала ты подошел к крайности, убеждая себя, что пережитое тобой — галлюцинации. Потом тебе захотелось сделать их особыми галлюцинациями. Я помню, какой смешной была твоя настоятельность называть их дидактическими галлюцинаторными переживаниями.

Он сказал, что моя потребность в доказательстве своей иллюзорной независимости ставила меня в позицию, где я не мог принять ничего из того о чем он говорил со мной как о происходящем, хотя сам безмолвно знал об этом. Я знал, что он применяет растения силы, каким бы ограниченным инструментом они ни были, для того, чтобы я смог войти в частичные или временные состояния сознания, сдвинув точку сборки с ее привычного места.

— Ты использовал свой барьер независимости для того, чтобы преодолеть это препятствие, — продолжал он. — тот же самый барьер продолжает действовать и сегодня, так как ты сохранил это чувство неопределенной муки, возможно не такой сильной. И вот теперь стоит вопрос, как тебе нужно распорядиться с полученными выводами так, чтобы текущие переживания совпали с твоей схемой самодовольства?

Я признался, что единственный способ, которым мне удавалось сохранить свою независимость, состояла в том, что я не думал о моих переживаниях вообще.

От души расхохотавшись, дон Хуан едва не упал со своего плетеного кресла. Он встал и прошелся, восстанавливая дыхание. Затем вновь сел и собрался, откинувшись назад и скрестив ноги.

Дон Хуан сказал, что мы, будучи обычными людьми, не знаем или когда-то не знали о наличии чего-то реального и функционального звена, связующего нас с намерением-которое дает нам наследственную озабоченность судьбой. Он утверждал, что в течении наших активных жизней мы никогда не имеем шанса выйти за уровень сплошной озабоченности, поскольку с незапамятных времен пауза между нашими повседневными делами бросает нас в сонливость. И лишь когда наши жизни почти оканчиваются, наша врожденная озабоченность судьбой начинает принимать другой характер. Она вынуждает нас всматриваться сквозь туман повседневных дел. К сожалению такое пробуждение всегда идет рука об руку с потерей энергии, вызванной старением, когда уже мы больше не имеем сил на левый поворот нашей озабоченности к прагматическому и позитивному открытию. В этот момент все, что здесь осталось, является аморфной, пронзительной мукой ожидания чего-то неопишуемого или просто гневом от того, что упустил, промахнулся, не заметил.

— Мне, по многим причинам, нравятся стихи, — сказал он. — одной из них является то, что они подхватывают настроение воина и объясняют то, что трудно объяснить.

Он допускал, что поэты остро осознавали звено, связующее нас с духом, но они осознавали его интуитивно, не так преднамеренно и прагматично, как это делают маги.

— Поэты не обладают личным знанием духа, — продолжал он, — вот почему их стихи в

действительности не открывают сути истинных жестов духа, хотя они и бьют довольно сильно.

Он взял со стула, стоящего перед ним, сборник стихов Хуана Рамона Хименеса, раскрыл там, куда он положил закладку, и передал мне, дав знак читать.

Неужели это я ходил сегодня вечером
В мою комнату, или это нищий,
Рыскающий в моем саду в сумерках?

Я осмотрелся и нашел, что все то же самое
И не то же самое...
Было ли открыто окно?
И не сплю ли я уже?
А разве садовая ограда не зеленая?...
Небо было ясным и голубым...
А здесь облачно и ветренно,
И сад темный и мрачный.

Я думал, что мои волосы были черными...
Я был одет в серое...
А мои волосы седые,
И одет я в черное...
Моя ли это походка?
А этот голос, что звучит во мне,
Имеет ли он ритмы голоса,
Которым я пользовался?
Это я, или я — тот нищий,
Который рыскал в моем саду
В сумерках?

Я осмотрелся...
Здесь облака и ветренно...
Сад темный и мрачный...
Я прихожу и ухожу... Неправда ли то,
Что я уже сплю?
Мои волосы седые... И все то же самое
И не то же самое...

Я перечитал стихотворение, уловив настроение бессилия и замешательства я спросил дон Хуана, чувствует ли он то же самое.

— Я думаю, поэт чувствовал давление старости и беспокойство, вызванное пониманием ее, — сказал дон Хуан. — Но это только одна сторона. Другой стороной, которая интересует меня, является то, что поэт, хотя он никогда не сдвигал свою точку сборки, интуитивно, уловил то экстраординарное, что было поставлено на карту. Он уловил бесконечно многое, что есть некий безымянный фактор, устрашающий по своей простоте, который определяет наши судьбы.

Конец ознакомительного отрывка книги.

[Скачать книги Карлоса Кастанеды](#)